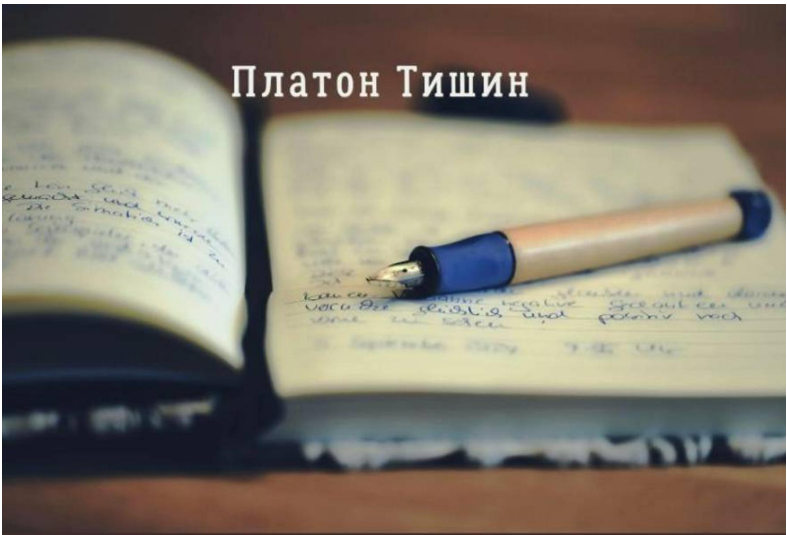

Платон Тишин

ПИСАТЕЛЬ- ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Как писать о том, чего не знаешь
(и не облажаться)

Платон Тишин

Писатель – исследователь

<https://litres.ru/74197498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — честная и смешная исповедь человека, который однажды написал, что подводники курят на глубине 500 метров. Автор, вооружённый блокнотом, диктофоном и остывшим кофе, прошёл через архивы, кузницы, интервью с полковниками МЧС (которые молчали целую минуту после вопроса про аварийные плоты) и два года исследований средневековой канализации — ради одного абзаца «воняло ужасно».

Вы узнаете, как задавать глупые вопросы, не краснея, как уговорить эксперта не посылать вас в баню, как выжить в читальном зале с сотрудницей, шипящей громче паровоза, и почему слоны на самом деле не боятся мышей (а вот редакторы — боятся).

С юмором, самоиронией и жизненными примерами автор доказывает: незнание — не позор, а топливо. Стыдно не спрашивать, стыдно — скучать. Исследование — это приключение, где вы герой-недотепа, но всё равно доходите до конца. Зажмите нос — и ныряйте. Обещают, что не утонете. (Но усы могут пострадать.)

Содержание

Введение	4
Синдром «а что я вообще знаю?» – примите это и двигайтесь дальше	13
Постановка детективной задачи. Чего я ещё не знаю, но мне очень стыдно	30
Библиотека не для ботаников. Как выжить в храме пыли и тишины	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Платон Тишин

Писатель – исследователь

Введение

Сразу предупреждаю: то, что вы сейчас прочтете – это не литературная обработка изящным слогом. Это исповедь человека, который однажды написал фразу «за бортом подводной лодки на глубине 500 метров закурили трубку» и до сих пор просыпается в холодном поту, когда вспоминает.

Давайте сразу договоримся. Я – мужчина. Не какой-нибудь матерый сыщик или профессор с трубкой и собакой породы «всезнайка». Я обычный писатель, который большую часть жизни провел за клавиатурой в позе креветки, попивая остывший кофе и выдумывая миры, в которых он ничего не смыслит. И этот текст – хроника моих публичных унижений, грамотно оформленная под учебник.

Итак.

Почему Гугл вам не друг (и не надо врать, что вы знали)

Как я чуть не утопил свой детектив в собственной глупости

Все началось три года назад. Я, как сейчас помню, сидел в своей уютной берлоге, заваленной книжными стопка-

ми, и чувствовал себя настоящим творцом. Пальцы порхали по клавиатуре. На экране рождался крутой детективный роман. Главный герой – бывший моряк-подводник, хмурый, немногословный мужик с волчьей хваткой и трагическим прошлым. Он расследовал убийство в закрытом гарнизоне где-то на Кольском полуострове.

Я написал первую главу на одном дыхании. Она была сочной, атмосферной, с соленым ветром, с гулками отсеками и с фразой, которая тогда казалась мне шедевром лаконичности. Я даже помню её дословно: «Капитан третьего ранга Князев щелкнул зажигалкой, и тусклый огонек осветил его суровое лицо. За бортом, на глубине пятисот метров, волны давили на титановый корпус, словно весь океан решил раздавить стальную сигару. Он глубоко затянулся, выпустил дым в вентиляцию и подумал: «Ну что, сволочи, поиграем?»».

Красиво, правда? Прямо киношный кадр.

Я дописал главу, откинулся на спинку стула и уже представлял, как читатели пишут восторженные отзывы про «потрясающий реализм» и «погружение в среду». А потом мне в голову пришла дурацкая мысль. Ну, знаете, такая, из разряда «а давай прикинем физику». И я полез в Гугл.

Вопрос был простой: «Курят ли на подводной лодке?»

Ответы открыли мне глаза. Нет, не просто открыли – вылупили их настезь и промыли спиртом. Оказалось, что на подводных лодках:

Категорически нельзя курить. Сигаретный дым – это не

только запах, который никуда не выветрится в замкнутом объеме, но и смесь угарного газа и прочих радостей, которые в атмосфере подлодки приводят к быстрой и некрасивой смерти всех присутствующих.

Даже если бы можно было, зажигалку на подлодке используют только в одном случае – когда хотят устроить пожар с последующей детонацией боекомплекта. Открытый огонь на борту атомной подводной лодки – это не «сурово», это «пожалуйста, выпишите нам всем билет в один конец».

«За бортом на глубине 500 метров» нет никаких «волн, давящих на корпус». На такой глубине царит полный штиль. Давление есть, но оно не «давит волнами», а просто есть. Как атмосфера давит на вас сейчас. Вы же не думаете: «О, небо надо мной давит, как сволочь!» Нет. Атмосферное давление существует, но вы его не чувствуете как «волны».

И самое смешное: за бортом на глубине 500 метров, чтобы открыть люк и «закурить трубку», нужно сначала сравнивать давление. А это значит, что капитан третьего ранга Князев должен был открыть кингстон, затопить отсек, дожидаться, пока давление за бортом и внутри сравняется (при этом его внутренности должны были бы превратиться в жидкое месиво от кессонной болезни при последующей декомпрессии), потом выползти в ледяную черноту, где нет кислорода (потому что 500 метров, мать их), и попытаться прикурить от зажигалки, которая не работает при давлении выше трех атмосфер.

Иными словами, мой капитан Князев был не суровым морским волком, а самоубийцей-фантазером, который решил устроить харакири самым изощренным способом.

Я просидел перед монитором, наверное, минут десять. Просто смотрел на экран. Потом прочитал свою фразу вслух. «за бортом подводной лодки на глубине 500 метров закурили трубку». И до меня дошло, что по уровню идиотизма это примерно как «космонавт вышел в открытый космос без скафандра и почесал в затылке».

Вот в этот момент я впервые задумался о том, что, возможно, «я же художник, я так вижу» – это не универсальная индульгенция. Иногда «так видеть» означает «быть слепым идиотом, которому лень спросить дорогу».

Знаете, есть такой старый писательский анекдот-страшилка. Приходит начинающий автор к маститому редактору. Приносит роман о средневековой Англии. Редактор читает и спрашивает: «Скажите, а почему у вашего рыцаря на обеде в XII веке на столе стоит картошка?» Автор гордо отвечает: «Ах, это художественный вымысел! Я же писатель, я создаю мир!» Редактор вздыхает: «Картофель завезли в Европу в XVI веке. Ваш рыцарь не просто ест картошку – он совершает путешествие во времени. Может, тогда и автомат Калашникова ему подарить?» Автор обижается: «Вы просто придираетесь к мелочам! Главное же – душа, идея!»

Я сам был таким автором. О, как я был таким автором. В юности я написал роман про древних славян, где они на-

зывали друг друга «Саша» и «Дима». И не потому, что я тупой, а потому что мне казалось, что длинные древние имена «Будимир» и «Доброгост» будут «отвлекать читателя от экшена». Редактор, который это читал (бедный, бедный человек, видимо, он был в тот день в отчаянной нужде в деньгах), спросил меня: «То есть, по-твоему, читатель не отвлечется от экшена, когда герой-язычник зовет своего друга Горяна «Антоха, подь сюды»?!»

Тогда я еще не понял. Я думал, что он просто зануда. Мне казалось, что реализм – это скучно, а исследование – это для скучных дядек в очках, которые пишут диссертации о том, как часто моргал Лев Толстой при написании «Анны Карениной».

Но после случая с подводной лодкой до меня начало доходить. Медленно, со скрипом, как дверь в склепе. Я понял, что читатель – не идиот. Вернее, так: большинство читателей не идиоты. И если вы напишете про подводную лодку, обязательно найдется один читатель, который служил на флоте. И он не просто найдет вашу ошибку – он напишет гневный отзыв, потом создаст тему на форуме «Разоблачаем графомана», потом придет на творческую встречу с вашей книгой и будет стоять в заднем ряду с очень красноречивым лицом. Вы его узнаете по глазам. В них будет написано: «Ах ты, сухопутная крыса, ты даже не знаешь, с какой стороны у лодки корма».

Я прошел через это. Публичные чтения. Читаю отрывок

про того самого капитана Князева. Читаю бодро, с выражением. И тут из четвертого ряда поднимается рука. Рожа – кирпичом, стрижка ежиком, футболка с якорем.

– Скажите, автор, – говорит он громко, на весь зал. – А где именно ваш герой курил? В торпедном отсеке? Или в центральном посту?

Я еще не понял, куда он клонит, и пытаюсь отшутиться:

– Ну, он же суровый мужик, мог и в торпедном, назло уставу!

Мужчина с лицом кирпича медленно, очень медленно кивает. И говорит:

– Понятно. Просто интересно. Потому что я четырнадцать лет отслужил на атомных подводных лодках. И мы, знаете ли, там даже газы из кишечника выпускали только по особому разрешению командира, через специальную систему. А тут – курево. И зажигалка. Это... это смело. Вы, наверное, очень смелый человек.

Зал засмеялся. Я покраснел так, что, наверное, мог освещать торпедный отсек без зажигалки. И в этот момент я сделал для себя главное открытие своей писательской жизни.

Главная мысль, которую я вколочу в вас этой книгой

Исследование – это не скучно. Это способ не выглядеть идиотом на публичных чтениях.

Но это только вершина айсберга. Если копнуть глубже, то исследование – это еще и:

Способ получать кайф от процесса. Потому что копаться в архивах, брать интервью у колоритных типов и находить неожиданные факты – это адски интересно. Это похоже на то, как если бы вам разрешили легально лазить по чужим карманам, но вместо денег вы находите истории.

Лекарство от синдрома самозванца. Знаете это мерзкое чувство «а вдруг меня раскусят»? Так вот: когда вы проведете настоящее расследование, покопаетесь в источниках, поговорите с экспертами – вы будете знать, что сказали правду. Даже если где-то ошибетесь в мелочи (а ошибетесь, куда ж вы денетесь), вы будете знать, что сделали всё возможное. И это придает уверенности.

Чертовски хороший материал для светских бесед. Серьезно. Я теперь на любых вечеринках – звезда. Потому что я могу рассказать не только про свои книжки, но и про то, как я брал интервью у сотрудника морга (он оказался тонким ценителем джаза), или про то, как я искал в архивах дневник купца и нашел любовное письмо его жены кучеру, или про то, почему на самом деле в XVII веке никто не мылся (спойлер: мылись, и еще как, просто у них были другие стандарты гигиены, и это отдельная душераздирающая история).

Я не буду учить вас быть академическими учеными. Потому что я сам – не академический ученый. Я – писатель. Мой метод похож на работу частного детектива, который иногда нарушает правила, путает улики, но в итоге находит труп (в переносном смысле – находит правду).

В этой книге я расскажу вам, как я:

Перепутал вопросы для интервью с зоологом и прокурором, в результате чего задал следователю вопрос про иерархию в стае диких медведей (и получил взгляд, которым можно убивать);

Однажды ночевал в архиве, потому что заперли и никого не было, а мне было лень ждать до утра (на самом деле я уснул на стопке дел о краже скота, это было уютно);

Брал интервью у полковника МЧС и спросил, «а если поезд упадет с моста, вы будете использовать аварийный плот» (полковник молчал минуту, потом сказал: «Поезда с мостов на плоты не эвакуируют», и мы долго еще пили чай, пока он объяснял мне, как вытаскивать людей из покореженного вагона и почему я идиот, но хороший парень);

Два года собирал материал о средневековой канализации и в итоге использовал один абзац: «воняло ужасно».

Я расскажу вам всё. Без прикрас. Потому что если вы сейчас держите эту книгу (или читаете на экране), значит, вы уже совершили главную ошибку – начали сомневаться в своем всезнании. И это отлично. Сомнение – это начало настоящего исследования.

Ну что, поехали? Зажмите нос, мы ныряем на глубину 500 метров. Только без сигарет, пожалуйста. И зажигалку оставьте наверху.

P.S. Ту самую подводную лодку я переписал. Капитан Князев теперь не курит, а пьет холодный кофе из термоса в

кают-компаний, и вокруг него нет ни одной ошибки с физической точки зрения. Зато есть тоска, одиночество и запах мазута, который я тщательно вынюхал на экскурсии по настоящей подлодке-музею. И без дурацкой зажигалки получилось даже лучше.

Синдром «а что я вообще знаю?» – примите это и двигайтесь дальше

Добро пожаловать в клуб «Я ничего не понимаю, но хочу написать об этом книгу».

Знаете, есть такой особый вид страха. Не страх высоты, не страх пауков, не боязнь публичных выступлений, когда коленки трясутся, а голос становится похож на крик чайки, которой наступили на хвост. Нет. Есть страх более тонкий, более подлый. Я называю его синдромом пустого шкафа.

Представьте: вы стоите перед чистым листом (или моргающим курсором, что еще хуже), и вам нужно написать историю о людях, которые делают что-то, в чем вы не разбираетесь. Вообще. Ни в зуб ногой. И тут в голове включается мерзкий голосок. Знаете, такой, с противной интонацией бывшего учителя математики, который говорил: «Ну что ж, голубчик, двойка вам обеспечена, идите сажайте картошку».

Этот голосок шепчет: «А что ты вообще знаешь? Ты, бес-толочь, даже не знаешь, как правильно называется этот долбаный инструмент! Ты вообще школу заканчивал? А институт? А что ты делаешь с этой жизнью? Иди лучше на завод, там людям нужны рабочие руки, а не твои графоманские потуги».

Этот голосок – главный враг писателя-исследователя. Не отсутствие гугла, не лень, даже не редактор с красной ручкой, которая пахнет кровью и страхом. А именно этот внутренний критик, который убеждает вас, что незнание – это позор.

Так вот, заявляю со всей ответственностью человека, который полгода писал роман об аптекарях XVIII века и облажался по полной программе: незнание – это не позор. Незнание – это топливо. Это горючее. Это тот самый адреналин, который заставляет вас лезть в библиотеку, звонить незнакомым людям и задавать идиотские вопросы, за которые потом хочется провалиться сквозь землю.

Позор – это когда вы знаете, что вы ничего не знаете, но продолжаете писать, засунув голову в песок, как страус с суицидальными наклонностями. Позор – это когда вы на публичных чтениях несете пургу про подводную лодку и зажигалку. А незнание... незнание – это просто отправная точка. Стартовая линия. Место, откуда начинается самое интересное.

Так что давайте сразу договоримся: на время чтения этой книги (а лучше – навсегда) вы перестаете стыдиться того, что чего-то не знаете. Вы – не эксперт. Вы – разведчик. А разведчик, если он хороший, начинает операцию с того, что честно признает: «Я ничего не знаю о вражеской базе. Иду разведывать».

Аптекарская драма, которая научила меня смире-

нию (и чуть не довела до нервного срыва)

Это случилось пять лет назад. Я был молод, горяч, полон амбиций и наивной веры в то, что «Википедии достаточно для хорошего романа». Сейчас я вспоминаю того себя и хочу дать ему подзатыльник. Или два. Или нанять профессионального боксера, чтобы тот объяснил этому юному гению, что Википедия – это хорошо, но только если вы пишете роман о самой Википедии.

История началась с того, что я влюбился в сериал. Не буду называть, в какой именно (чтобы не разжигать холивары), но там был герой – аптекарь в Париже XVIII века. Красивый, мрачный, в камзоле, перетирает порошки, взвешивает что-то на крошечных весах, смотрит в окно с тоской и, вероятно, думает о смысле бытия и экзистенциальной пустоте, которая наполняет душу всякого, кто слишком долго толчет в ступке кору хинного дерева.

Я решил: «Хочу такого же героя! Только круче! Только реалистичнее! Я напишу исторический детектив, где аптекарь – главный свидетель убийства, потому что он варит яды для местного маркиза, но случайно отравляет не того человека, и начинается чернуха, нуар и вообще Булгаков отдыхает».

Я подошел к делу с энтузиазмом, граничащим с умопомешательством. Я купил три книги по истории фармацевтики (одну из них, как выяснилось позже, написал такой же фантазер, как я, но это отдельная грустная история). Я сохранил пятьдесят вкладок в браузере: «аптекарские весы XVIII ве-

ка», «чем толкли порошки в 1775 году», «история ступок и пестиков», «как выглядела типичная аптека в Париже при Людовике XVI». Я даже скачал аудиокнигу о развитии медицины в эпоху Просвещения и слушал ее по дороге на работу, чувствуя себя ужасно интеллектуальным и почти профессором Сорбонны (по факту я просто сидел в маршрутке с зажмуренными глазами и периодически вздрагивал от голоса диктора, который описывал ампутации конечностей без анестезии).

Я писал. О, как я писал! Я выписывал каждую деталь. Я описывал ступку, в которой главный герой (его звали, кажется, Жан-Батист, потому что всех французских аптекарей в моем воображении должны были звать Жан-Батист) растирал кору и коренья. Я детально, с любовью настоящего перфекциониста-неврастеника, расписывал процесс взвешивания на «специальных аптекарских весах тонкой работы». Я даже придумал им название. Красивое, благородное, с французским акцентом: «ле бри ве».

Вот цитата из того романа (я его храню в отдельной папке с пометкой «НИКОГДА НЕ ОТКРЫВАТЬ, ДАЖЕ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ», но ради вас я залезу туда, как археолог, раскапывающий собственный позор):

«Жан-Батист достал с полки свои драгоценные ле бри ве – маленькие латунные весы с двумя чашами, настолько точные, что могли отмерить вес одного-единственного кристалла соли. Он бережно положил на одну чашу гирьку в два гра-

на, на другую – щепотку порошка из корня мандрагоры. Чаши дрогнули и замерли в идеальном равновесии. Аптекарь довольно кивнул: яд для маркиза готов».

Красиво? Я до сих пор считаю, что красиво. Атмосферно. Пафосно. С чувством, с толком, с расстановкой. Только вот беда: никаких «ле бри ве» в XVIII веке не существовало. Вообще. Это слово я выдумал от слова «бри» – сыр. То есть мой Жан-Батист взвешивал яд на «весах сыра». Гениально, правда?

Всё выяснилось случайно. Я пришел на встречу с литературным редактором, с которым мы иногда советовались по историческим деталям (бедный, бедный человек, ему, наверное, до сих пор снятся мои косяки). Я с гордостью, как павлин, распутивший хвост, протянул ему первые сто страниц. Он читал, молчал, иногда вздыхал, иногда издавал странные звуки, похожие на кряхтение раненого моржа. Потом дошел до сцены с весами.

– Слушай, – сказал он осторожно, как сапер, который проверяет, не заминирована ли дверца шкафа. – А что такое «ле бри ве»?

– Ну как же! – воскликнул я с горящими глазами. – Это такие специальные аптекарские весы! Я нашел это название в одной книге... ну, то есть, я его немножко адаптировал под французский лад, потому что оригинальное название звучало не очень... Но это же мелочи, правда? Главное – атмосфера!

Редактор закрыл руками лицо. На несколько секунд. Потом он посмотрел на меня с выражением, которое я видел только в глазах отца, когда я в детстве разобрал телевизор, чтобы посмотреть, «куда деваются человечки».

— Дорогой мой, — сказал он очень тихо. Очень ласково. Как психиатр, который сообщает пациенту, что тот — Наполеон, но это лечится. — В XVIII веке аптекарские весы назывались просто «весы». Или «тройские весы», если быть совсем точным. Или «лабор атуарные весы», если говорить о совсем уж специфических. Никаких «ле бри ве» не было. Ты, прости господи, назвал весы в честь сыра. Сыр — это, конечно, прекрасно, я люблю сыр, но в историческом детективе про яды он неуместен.

Я замер. Мой внутренний мир, выстроенный с такой любовью, трещал по швам.

— Но... но там же была какая-то книга, где я видел это слово...

— Ты видел слово «ле бри» в контексте французского сыра, — терпеливо объяснил редактор. — А потом твой мозг, который, видимо, отдыхал в этот момент, соединил сыр с весами. И родился кулинарно-фармацевтический гибрид.

Я сел на стул. Я чувствовал себя так, будто меня ударили доской по голове. Доской, на которой было написано «ТЫ ИДИОТ, НО ЭТО МОЖНО ВЫЛЕЧИТЬ».

Редактор, видя мое состояние, решил добить меня информацией (иногда он жесток, но справедлив):

– И еще, кстати. Ты написал про гирьку в «два грана». Зерновые меры веса – это вообще-то для совсем других веществ. В твоём сценарии аптекарь отвешивает два зерна порошка. Примерно 0,12 грамма. Ты хоть представляешь, сколько это? Это как одна сотая чайной ложки. Твой Жан-Батист не яд готовил, он гомеопатией занимался. Маркизу такое не страшно, маркизу от такого только чихнуть захочется.

Я молчал. Потом спросил:

– А «ле бри ве» – это точно от сыра?

– Точно. Бри – это мягкий сыр с белой плесенью. Очень вкусный. Может, твой аптекарь был еще и сыроваром? Это был бы сюжетный поворот.

Я допил свой кофе (который к тому времени остыл и стал похож на жидкую грязь) и пошел домой. Дома я перечитал свой роман. Сто пятьдесят страниц. Сто пятьдесят страниц текста, в котором фигурировали «ле бри ве», «два грана», а также, как выяснилось позже, «свечи из китового жира» (хотя китовый жир для свечей в Париже XVIII века был роскошью, доступной только герцогам, а мой аптекарь был всего лишь бедным холостяком с окраины), «календарь 1775 года, где 31 февраля было красным днем» (да-да, я умудрился пропустить тот факт, что в феврале не может быть 31 дня, даже в високосный год), и «латынь, которую главный герой использовал в бытовых разговорах с покупателями» (латынь, Карл! В парижской аптеке XVIII века! Покупатели, которые пришли за припаркой от геморроя и внезапно слышат «Ave,

Maria, purga te, amice!»).

Как я хоронил свой роман (и зачем вам знать об этом)

Я пролежал на диване три дня. Три дня я смотрел в потолок и переживал экзистенциальный кризис. Мне казалось, что я не писатель, а самозванец, который притворяется творцом, но на самом деле его призвание – сортировать мусор на свалке. Может быть, органические отходы? Может, пластик? Там хотя бы не нужно ничего знать про весы и грани.

На четвертый день я позвонил своему другу, такому же писателю (только он, в отличие от меня, писал фэнтези, где можно было хоть летающих коров придумать, и никто бы не придрался). Я пожаловался ему на жизнь, на судьбу, на несправедливость мироздания и на этих проклятых аптекарей, которые вечно всё усложняют.

Друг выслушал. Потом сказал фразу, которая стала моим писательским девизом на долгие годы:

– Слушай, а ты вообще в чем разбираешься? Ну, кроме того, как готовить яичницу и отличать кота от собаки?

Я задумался.

– Ну... я разбираюсь в том, как пишутся книги. И в том, как искать информацию. И в том, как не бояться выглядеть дураком. Это считается?

– Считается, – сказал друг. – Так и пиши об этом. А про аптекарей – подожди. Или найди аптекаря и спроси у него всё, что нужно. Вживую. По-настоящему. А не выдумывай

сырные веса.

Я тогда не понял глубины этой мысли. Я думал: «Легко тебе говорить, ты фэнтезийный драконов придумываешь, а я тут с исторической правдой воюю».

Но потом, спустя годы, до меня дошло. Мой друг не просто дал совет. Он указал мне на главную ошибку, которую совершают начинающие (и не только) писатели: они боятся признать свое незнание и поэтому придумывают «ле бри ве» вместо того, чтобы пойти и спросить у настоящего эксперта.

Мы хватаемся за ложные факты, за выдуманные названия, за сомнительные источники только потому, что нам СТЫДНО признаться: «Я не знаю». Стыдно спросить у профессионала, потому что профессионал (страшный дядька с умным лицом) посмотрит на нас с презрением и скажет: «Что, даже этого не знаешь? Иди отсюда, дилетант».

Но вот что я понял, когда пережил свой аптекарский позор (и десяток других, более мелких позоров, но о них позже): настоящие профессионалы не презирают тех, кто не знает. Они презирают тех, кто не хочет узнать.

Я проверил это на практике. Позже, когда я набрался смелости и написал письмо настоящему историку фармацевтики (да, есть и такие, они существуют, и они удивительно добрые люди, хотя и носят очки с толстыми линзами), он ответил мне. Представьте себе: профессор, доктор наук, автор семидесяти научных работ, посвященных развитию аптечного дела в Европе, ответил какому-то писателю-неудачнику, кото-

рый перепутал весы с сыром.

Знаете, что он написал? Он написал: «Очень интересный вопрос! Рад, что вы обратились. Давайте разберемся. Аптекарские весы в XVIII веке... (далее шла подробнейшая лекция на десять страниц с картинками, схемами и фотографиями настоящих весов из музея)».

Он не сказал: «Идите лесом, бездарность». Он обрадовался, что кому-то интересна его тема. Потому что эксперты, настоящие эксперты, любят свою работу. И они с радостью делятся знаниями, если видят искренний интерес.

Вот вам первое правило, которое я вынес из той истории (запомните его, выберите татуировкой на внутренней стороне века, если нужно): Если вам стыдно спросить – вы делаете что-то не так. Спрашивать – это нормально. Не спрашивать – это идиотизм.

Панический страх ошибки – паралич писателя (и как я перестал бояться и полюбил косяки)

После случая с аптекарями я впал в другую крайность. Я решил, что отныне буду проверять КАЖДУЮ деталь. Абсолютно каждую. Даже те, которые, казалось бы, можно и пропустить.

Я писал сцену, где герой завтракает. И я полез в Гугл: «из чего делали хлеб в 1820 году в провинциальной России?», «какая была средняя температура в печи при выпекании каравай?», «а масло сбивали руками или специальным приспособлением? А приспособление как называлось? А кто его

изобрел? А не обиделся ли изобретатель на жену? А жена как относилась к его изобретательству?»

Вы понимаете, к чему я клоню? Я парализовал себя. Я боялся написать хоть одно слово, потому что это слово могло быть неправильным. Я стал похож на того самого персонажа из анекдота: «Я так боялся сделать ошибку в диктанте, что написал только свое имя и точку. И то в имени сомневаюсь».

Я потратил три месяца на то, чтобы написать первую главу нового романа (про пожарных, кстати – но там отдельная эпопея, я вам потом расскажу, как пытался надеть боевку и чуть не задохнулся от счастья и угарного газа). Я проверял каждую запятую, каждое название. Я перестал спать. Я перестал есть. Я превратился в невротика, который мог среди ночи вскочить с криком: «А мог ли пожарный в 1998 году использовать такой-то гидрант в таком-то районе Москвы?!»

Однажды моя жена (да благословят боги ее терпение) посмотрела на меня поверх очков и сказала:

– Дорогой, ты в курсе, что ты пишешь роман, а не диссертацию? И что твои читатели – это обычные люди, а не комиссия ВАК?

Я открыл рот, чтобы возразить, но она продолжила:

– Ты в курсе, что, когда ты в прошлый раз перестраховался и написал сцену, где герой ест яичницу, ты потратил две недели на изучение птицеводства в Нижегородской губернии? И что в итоге ты написал «герой съел яичницу» и вычеркнул всю остальную информацию?

Я закрыл рот. Она была права.

Вот в чем штука: страх ошибки парализует хуже, чем сами ошибки. Ошибку можно исправить. Паралич – нельзя. Когда вы боитесь ошибиться, вы не пишете. А если вы не пишете – вы не писатель. Вы – испуганный человек перед пустым экраном.

Я понял, что нужен баланс. Золотая середина между «плевать на всё, я художник, зажигалка в торпедном отсеке – это круто» и «я не напишу ни слова, пока не защищу кандидатскую по истории хлебопечения».

И этот баланс я сформулировал для себя так: пиши смело, проверяй выборочно, исправляй с удовольствием.

Звучит просто. На деле – это навык, который требует тренировки. Вы должны научиться доверять себе, но не слишком. Вы должны уметь отличить деталь, которую читатель заметит и за которую вас убьют, от детали, которую читатель проглотит и даже не подавится.

Как это сделать? Я расскажу в следующих главах. А пока – запомните: стыд и страх – ваши враги. Любопытство и смелость – ваши друзья. Незнание – это не приговор, это приглашение к путешествию.

«Я нуб» – мантра, которая освобождает (или как я подружился со своей некомпетентностью)

Я помню свой первый мастер-класс для начинающих писателей. Я вышел на сцену, посмотрел на полтора десятка пар глаз, которые ждали от меня мудрости, глубины и, веро-

ятно, секретной формулы бестселлера. И вместо того, чтобы начинать вещать что-то пафосное про «музу» и «творческий полет», я сказал:

– Привет. Меня зовут [ваше имя автора]. И я нуб.

В зале повисла тишина. Потом кто-то хихикнул. Потом засмеялись все.

– Я серьезно, – продолжил я. – Я ничего не знаю. Я не умею писать идеальные тексты. Я путаю весы с сыром. Я думал, что на подводной лодке можно курить. Я не знаю, как называются инструменты у стоматолога (и боюсь узнавать). Но я пишу. И я исследую. И я делаю это весело.

После мастер-класса ко мне подошла девушка и сказала:

– Спасибо. А то я думала, что я одна такая дура, которая не знает, как выглядит настоящая кузница. А вы сказали «я нуб», и мне сразу стало легче.

Вот она, магия признания. Когда вы говорите «я ничего не знаю», вы не унижаете себя. Вы освобождаете себя. Вы даете себе право ошибаться. Вы разрешаете себе быть несовершенным. И это разрешение – самый мощный двигатель, который у вас есть.

Попробуйте. Прямо сейчас. Скажите вслух (ну, или про себя, если вы в общественном месте и не хотите, чтобы люди вызывали санитаров):

– Я нуб. Я ничего не знаю о том, о чем хочу писать. И это прекрасно. Потому что теперь я могу узнать.

Чувствуете, как напряжение уходит? Как плечи опускают-

ся, а дыхание становится глубже? Вот это оно. Состояние исследователя.

Когда вы признаете, что вы нуб, вы перестаете изображать из себя эксперта. А когда вы перестаете изображать – вы начинаете на самом деле узнавать. Вы задаете вопросы, потому что вам нечего терять. Вы ищете ответы, потому что вам это интересно. Вы делаете ошибки и смеетесь над ними, потому что это часть игры.

Я теперь специально в начале каждого нового проекта говорю себе (и всем, кто готов слушать): «Я ничего не понимаю в этой теме. Будет весело».

И это работает. Когда я писал роман про байкеров (это была отдельная эпопея, включавшая поездку на мотоцикле с человеком по кличке Хмурый и знакомство с культурой «клубных нашивок»), я пришел в байкерский клуб и сказал:

– Привет, я писатель. Я нуб в мотоциклах. Научите меня, а то я напишу, что вы ездите на «Харлеях» с колясками и слушаете «Ласковый май».

Меня не убили. Меня не выгнали. Меня накормили шашлыком, напоили пивом (безалкогольным, за рулем нельзя) и два часа рассказывали, чем отличается «чоппер» от «круизера» и почему ни один уважающий себя байкер никогда не наденет кожаную кепку с козырьком, если только он не собрался на карнавал.

И это было круто. Намного круче, чем если бы я сидел дома и выдумывал «ле бри ве» для мотоциклов.

Разведка, а не парад: как сменить оптику (и не наступить на грабли, на которые наступил я)

Итак, подведем итог этой длинной, полной страданий и сыра главы. Как перестать бояться своего незнания и начать использовать его как преимущество?

Вот моя инструкция, выстраданная годами ошибок, бессонных ночей и редакторских издёвок:

1. Признайте, что вы ничего не знаете. Не «мало знаете», не «недостаточно знаете», а именно «НИЧЕГО не знаете». Преувеличение? Возможно. Но оно сбивает спесь. Вы – пустой сосуд. И это здорово, потому что пустой сосуд можно наполнить.

2. Откажитесь от роли «всезнающего автора». Вы не профессор, читающий лекцию. Вы – репортер, который отправился в командировку. Вы – детектив, который собирает улики. Вы – археолог, который откапывает древности. Вы не обязаны знать всё заранее. Вы обязаны узнать это в процессе.

3. Относитесь к исследованию как к игре, а не как к экзамену. Помните, как в детстве вы собирали конструктор? Вы не боялись, что соберете неправильно. Вы просто брали детали и складывали их. Вот так же и здесь. Берите факты, детали, цитаты и складывайте из них мир. Если какая-то деталь не подходит – уберите, попробуйте другую. Это не экзамен по анатомии, где одна ошибка – и труп. Это игра. Играйте.

4. Начните с самого глупого вопроса, который только можете придумать. Серьезно. Задайте себе вопрос: «А какого

цвета были носки у викторианского трубочиста?» или «Что чувствует космонавт, когда хочет в туалет в скафандре?» или «Какой звук издает пингвин, когда наступает на LEGO?» Самые глупые вопросы часто ведут к самым интересным открытиям. И они же снимают пафос.

5. Найдите эксперта и задайте ему свой глупый вопрос. Не бойтесь, что эксперт засмеется. Эксперты смеются редко, они обычно рады, что кто-то интересуется их темой. А если засмеется – значит, это не эксперт, а козел. Идите к другому.

6. Ошибайтесь быстро и дешево. Не пишите полгода роман, прежде чем выяснить, что вы всё перепутали. Проверьте ключевые детали на ранних этапах. Покажите первые десять страниц тому, кто разбирается. Спросите: «Где я тут накосячил?» Получите ответ, исправьте, двигайтесь дальше. Ошибка, обнаруженная на первой неделе, стоит копейки. Ошибка, обнаруженная через год, стоит романа.

7. Смейтесь над своими ошибками. Не прячьте их, не стыдитесь, не зарывайте в землю вместе с останками убитого гонора. Выкладывайте в соцсети: «Ребята, я только что узнал, что в XVIII веке не было сырных весов. Я идиот, но веселый идиот». Поверьте, люди любят тех, кто умеет смеяться над собой. И вы полюбите себя чуть больше.

Я до сих пор, когда берусь за новый роман, говорю себе: «Ну что, нуб, пошли разведывать?» И мы идем. Потому что в разведку ходят с любопытством, с азартом, с желанием узнать. А на парад – с выпяченной грудью и чувством соб-

ственного величия. Парад заканчивается быстро, и на нем скучно. А разведка... разведка никогда не заканчивается.

Тот роман про аптекарей я всё-таки переписал. Через два года. Я нашел настоящего эксперта, съездил в музей истории фармацевтики, подержал в руках настоящие весы (которые назывались просто «тройские весы», без всяких сыров), сфотографировал старинные рецепты и даже попробовал истолочь в ступке кору хинного дерева (это оказалось адски тяжело, мои бицепсы до сих пор помнят тот день). В новой версии Жан-Батист взвешивает яд на правильных весах, использует правильные меры, и вообще получилось почти исторично.

Но та первая версия, с сырными весами и двумя гранями, лежит в папке «НИКОГДА НЕ ОТКРЫВАТЬ». Иногда я открываю её, перечитываю и смеюсь. Не от стыда. А от того, как далеко я ушел от того наивного графомана, который боялся признать, что он ничего не знает.

Теперь я знаю, что ничего не знаю. И это делает меня свободным.

Ну что, готов продолжить? В следующей главе я расскажу вам, как правильно поставить детективную задачу и не перепутать вопросы для интервью с зоологом и прокурором. Спойлер: однажды я это сделал, и выяснил, что маньяки и медведи ведут себя удивительно похоже. Но об этом в следующий раз.

Постановка детективной задачи. Чего я ещё не знаю, но мне очень стыдно

Давайте сразу к делу. Без лишних предисловий, красивых метафор и философских отступлений, потому что мне до сих пор немного стыдно, и я хочу поскорее это рассказать и забыть, как страшный сон.

Три года назад я загорелся идеей написать психологический триллер. Главный герой – маньяк-часовщик. Понимаете, какая крутая концепция? Человек, который работает с временем буквально – чинит часы, настраивает механизмы, ловит каждую секунду – и вдруг начинает отнимать время у других людей. Метафорично, глубоко, с подтекстом. Я уже представлял себе восторженные рецензии: «Мастерски выстроенный сюжет, где каждая минута на счету!», «Автор с точностью часового механизма просчитал каждый ход!», «Это не просто триллер, это философская притча о скоротечности бытия!»

Была только одна маленькая проблема. Я ничего не понимал в часах. Вообще. Ну, то есть, я понимал, что часы показывают время. И что они бывают механические и электронные. И что если их не завести, они остановятся. И, кажется,

есть какие-то стрелки, которые двигаются по кругу. И всё. На этом мои познания в часовом деле заканчивались.

Но я же писатель! Я же художник! Я же могу выдумать! В конце концов, кому нужны эти технические подробности? Главное – атмосфера, психологизм, внутренние терзания ма-
няка, который мечтает о вечности, а имеет в распоряжении только тикающие секунды.

И я начал писать. Бодро, уверенно, с чувством собственного превосходства над всеми этими занудами-технарями, которым лишь бы придраться к деталям.

Герой сидел в своей мастерской. Вокруг него – сотни часов. Тиканье, которое для обычного человека звучит как ха-
ос, для него превращается в симфонию. Он берет в руки оче-
редной механизм – старые напольные часы с маятником – и начинает его чинить. Я написал сцену. Красиво. Сочно. С деталями, которые я, естественно, выдумал на ходу. Там бы-
ло про «регулировку спирального балансира», про «калиб-
ровку анкерного колеса», про «настройку хронометрической
точности с помощью микрометрического винта».

Звучало очень умно. Я сам себе поаплодировал.

А потом я остановился и перечитал написанное. И меня посетило смутное подозрение. Оно было похоже на тот мо-
мент, когда вы съели что-то подозрительное в столовой и не
понимаете – то ли вам показалось, то ли сейчас начнется, из-
вините, технологический процесс. Откуда я знаю про «спи-
ральный баланsir»? Я что, когда-нибудь чинил часы? Нет.

Я видел это слово в какой-то статье? Возможно. Но что оно означает – понятия не имею.

Я открыл Гугл. И начался ад.

Оказалось, что часы – это адски сложная штука. Там куча деталей, у каждой детали есть название (и не одно, а пять, в зависимости от страны производителя и года выпуска), там есть разные системы (анкерные, маятниковые, балансовые, кварцевые – и это только то, что я смог выучить за четыре часа непрерывного чтения, после чего мой мозг потек по ушам). Там есть маятники короткие и длинные, легкие и тяжелые, с разной формой чечевицы (чечевица, Карл! На маятнике! Я думал, чечевица – это суп!).

И самое страшное: я понял, что не знаю самой элементарной вещи. Зачем часам вообще нужен маятник?

Я смотрел на настенные часы у себя в кабинете. Они тикали. Маятник качался. Туда-сюда. Туда-сюда. Я смотрел на него минут пять, надеясь, что он сам мне расскажет о своем предназначении. Маятник молчал. Он просто качался. Как бездушная железяка, которой плевать на мои писательские муки.

Я полез в Википедию. Потом в другие статьи. Потом на форумы часовщиков. Информация была противоречивая. Одни говорили, что маятник нужен для регулировки точности хода. Другие – что он нужен для того, чтобы часы вообще работали. Третьи писали такие формулы, что у меня закружилась голова и захотелось пойти работать дворником,

потому что у дворников хотя бы не спрашивают про период колебания маятника в зависимости от длины подвеса и ширины местности.

Прошло три часа. Было уже половина одиннадцатого вечера. У меня разболелась голова. Я прочитал столько информации, что мой мозг был похож на переполненный жесткий диск, который вот-вот зависнет намертво. Но я так и не понял, зачем часам маятник.

Я мог бы, конечно, сделать вид, что понял. Мог бы написать в романе что-то вроде «маятник обеспечивал стабильность хода» и надеяться, что никто не заметит. Но меня мучила совесть. И еще меня мучил тот факт, что я, взрослый мужчина, обладатель высшего образования (пусть и гуманитарного), не могу ответить на вопрос, на который, наверное, любой восьмиклассник отвечает за пять секунд.

Я посмотрел на часы. Было 22:45. Я подумал о своем знакомом – старом часовщике, который работал в мастерской на соседней улице. Я знал его шапочно: однажды он чинил мои наручные часы (которые, как выяснилось, стоили дешевле ремонта, но это отдельная грустная история). У меня был его номер телефона. Я никогда ему не звонил.

– Нет, – сказал я себе. – Не позорься. Уже поздно. Он спит. Или ужинает. Или смотрит сериал. Не звони.

Прошло пять минут.

– А может, он не спит? – спросил я себя.

– Спит, – ответил я.

– А вдруг он как раз думает о часах, и ему будет приятно поговорить?

– Ему не будет приятно. Ему будет странно, что какой-то психопат звонит в одиннадцать вечера и спрашивает про маятник.

– Но мне же нужно для книги!

– Ему плевать на твою книгу. Ложись спать. Завтра позвонишь.

Я лег спать. Пролежал десять минут, глядя в потолок и представляя, как мой маньяк-часовщик совершает первую ошибку, потому что автор не знает элементарных вещей. Я сел на кровати. Я взял телефон. Я нажал на кнопку вызова.

– Алло? – раздался сонный голос.

– Здравствуйте, это вас беспокоит писатель, который приносил вам часы полгода назад, извините за поздний звонок, но у меня вопрос на миллион: зачем часам маятник?

На том конце провода молчали. Я слышал дыхание. И тиканье. Кажется, у него в квартире тоже были часы.

– Сынок, – сказал, наконец, часовщик. Голос у него был не злой, а скорее усталый. Как у человека, который привык к странным вопросам, но всё равно каждый раз удивляется. – Ты пьян?

– Нет, – честно ответил я. – Я абсолютно трезв. Я просто пишу книгу про часовщика. И я понял, что не понимаю самой базы. Зачем маятник?

Он вздохнул. Долго, протяжно. Я услышал, как он, навер-

ное, сел на кровати или налил себе воды. Потом он сказал:

– Маятник, сынок, нужен для того, чтобы часы отмеряли равные промежутки времени. Он качается с определенной периодичностью, которая зависит от его длины. Через маятник работает анкерный механизм, который регулирует вращение колес. Без маятника механические часы – просто куча железа, которое будет бешено крутиться, пока не сломается. Понял?

– Э-э-э... не совсем, – признался я. – А если проще? Для совсем тупых писателей?

Он снова вздохнул. Мне показалось, что я слышу, как он качает головой.

– Представь, что ты бежишь. Если ты просто бежишь, не отмеряя шаги, ты быстро выдохнешься и упадешь. А маятник – это твой шагомер. Он задает ритм. Он говорит механизму: «Стоп, не спеши, делай, как я». Без маятника механизм сойдет с ума. С маятником – работает как часы. Буквально.

– А-а-а! – сказал я, чувствуя, как в голове загорается лампочка. – То есть маятник – это такой метроном?

– Типа того. Только он не просто отмеряет ритм, он еще и энергию передает. Но тебе, писателю, этого хватит, я надеюсь.

– Спасибо огромное! – закричал я. – Вы меня спасли! Я вам должен!

– Ты мне должен не звонить в половине двенадцатого но-

чи, — сказал часовщик и повесил трубку.

Я лег спать с чувством выполненного долга. И с четким пониманием: я только что прошел собеседование на должность человека, который знает, зачем часам маятник. Собеседование я провалил, но зато получил ответ.

На следующее утро я отправил часовщику коробку конфет с запиской: «Спасибо за ликбез. Ваш маятник теперь будет жить в веках. В моей книге». Он не ответил. Надеюсь, он не умер от инфаркта, когда я позвонил. Если вы читаете эту книгу, уважаемый часовщик с соседней улицы, — простите меня. И спасибо.

Техника «Что бы спросил пятилетний ребенок?» или как я подружился со своей внутренней тупостью

Та ночь с маятником стала для меня откровением. Я понял, что у меня есть проблема, которую я раньше не замечал. Я не умею задавать вопросы. Точнее, я умею задавать вопросы, но не те. Я задаю сложные, витиеватые, наукообразные вопросы, за которыми пытаюсь спрятать свое незнание. Вместо того чтобы честно сказать: «Я ничего не понимаю в часах, объясните мне, как пятилетнему», я лезу в дебри терминов, которые звучат умно, но ничего не значат.

Вот как я обычно формулировал вопросы до того, как часовщик надо мной поиздевался (законно, кстати):

«Каков принцип взаимодействия анкерного механизма и маятниковой системы в контексте обеспечения изохронности колебаний?» (вместо «Как часы вообще работают?»)

«Какие конструктивные особенности напольных часов середины XIX века влияют на их хронометрическую точность?» (вместо «Почему старые часы отстают?»)

«Какова роль балансового регулятора в компенсации температурных деформаций спирали?» (вместо «А что делать, если часы спешат в жару?»)

Смотрите, как это работает? Я пишу красивый, длинный, почти научный вопрос. Я чувствую себя умным. Мой собеседник (если он не специалист) тоже чувствует себя умным, потому что понимает каждое пятое слово. Но на самом деле мы оба не понимаем, о чем речь. Я маскирую незнание заумными оборотами. Собеседник кивает, чтобы не показаться дураком. И в итоге я получаю ответ, который тоже заумный и непонятный, потому что специалист (если он настоящий специалист) начнет отвечать на том же языке, а я снова ничего не пойму.

Это порочный круг. И он ведет прямиком к «ле бри ве» и подводной лодке с зажигалкой.

Решение пришло неожиданно. Я сидел в гостях у своих друзей, у которых есть маленький сын. Пацану было года четыре. Он подошел ко мне, ткнул пальцем в мои наручные часы (которые, напомним, чинил тот самый часовщик) и спросил:

– Дядя, а почему это тикает?

Я открыл рот, чтобы ответить что-то умное про кварцевый генератор и батарейку, но потом подумал: «А действи-

тельно, почему это тикает? Я же сам не знаю ответа на этот вопрос! Я знаю, что есть какая-то электроника, но почему именно тикает, а не, скажем, пикает или жужжит?»

Я посмотрел на ребенка. Ребенок смотрел на меня. В его глазах не было насмешки. Не было желания меня подловить или уличить в некомпетентности. В его глазах было искреннее, чистое, незамутненное ЛЮБОПЫТСТВО. Ему было просто интересно. Он не боялся показаться глупым. Он был глупым. В хорошем смысле. Он был пустым листом, и он хотел, чтобы я этот лист заполнил.

Я задумался. Потом сказал:

– Знаешь, маленький друг, я не знаю.

– А почему? – не унимался он.

– Потому что я тупой, – честно ответил я.

Ребенок ушел к себе в комнату играть в машинки, а я остался сидеть с чувством, что только что прозрел. Вот оно! Вот тот самый уровень, на котором нужно задавать вопросы! Не на уровне диссертации по часовому делу, а на уровне четырехлетнего ребенка, который просто хочет понять, почему тикает.

С того дня я ввел для себя правило, которое назвал «Техникой пятилетнего ребенка» (или, как я её иногда называю в минуты отчаяния, «Техникой окончательного отказа от гордости»).

Суть техники: прежде чем открыть Гугл, позвонить эксперту или залезть в архив, я сажусь и записываю все вопро-

сы, которые мог бы задать пятилетний ребенок, если бы ему вдруг стало интересно то, о чем я пишу.

Пример для моей истории с часовщиком:

«Что такое часы?» (кажется, что знаю, но давайте честно, часы – это прибор для измерения времени, а что такое «измерение времени» и почему оно работает именно так?)

«Почему они тикают?»

«Зачем нужна стрелка? Их же три, зачем три?»

«Почему круг, а не квадрат?»

«А почему одни часы спешат, а другие отстают?»

«Что такое маятник и зачем он качается?»

«А если маятник остановится, часы сломаются или просто показывать неправильно будут?»

«Почему в старых часах нужно заводить ключиком, а в новых нет?»

«А внутри часов живут маленькие человечки, которые стрелки двигают?» (этот вопрос, кстати, не такой дурацкий, как кажется – в средневековых часах действительно были механические фигурки, которые что-то делали).

Когда я записал эти вопросы, я понял, что на 90% из них я не могу ответить. Абсолютно. Честно. Я взрослый мужчина с двумя высшими образованиями (гуманитарными, прости господи), и я не знаю, почему часы тикают. Стыдно? Да. Но этот стыд – тот самый, который надо прожить, переварить и превратить в топливо для исследования.

Я пошел с этими вопросами к тому же часовщику (но на

этот раз днем и с конфетами). Он выслушал меня, покачал головой и сказал:

– Ты, парень, странный. Но вопросы задаешь правильные. 90% моих клиентов не знают ответов на эти вопросы. Но они и не хотят знать. Им лишь бы часы шли. А ты хочешь знать. Это хорошо.

И он рассказал мне всё. Про маятник, про анкер, про баланс, про спираль. Он рассказывал так, будто я действительно пятилетний. Он показывал на пальцах. Он рисовал схемы на салфетках. Он ругался, когда я тупил, и хвалил, когда я понимал. Через два часа я вышел из его мастерской с записной книжкой, исписанной от корки до корки, и с чувством, что я – гений часового дела.

Потом, конечно, пришел домой, попытался перечитать свои записи и понял, что половину не помню, а другую половину неправильно понял. Но основа – то, что действительно нужно для книги – осела. Я понял, как работают часы. Я понял, зачем маятник. Я понял, почему мой маньяк-часовщик мог бы сойти с ума от неправильно отрегулированного механизма.

И все это – благодаря отказу от ложной гордости и готовности спросить «А почему оно тикает?».

Практическое занятие: учимся задавать детские вопросы (и не краснеть при этом)

Давайте я покажу вам, как работает эта техника на конкретном примере из моей жизни. Не из прошлого, а из со-

всем недавнего. Потому что я учусь до сих пор и продолжаю совершать ошибки, просто теперь я их быстрее замечаю.

Недавно я задумал написать рассказ о пилоте истребителя. Не хочу вдаваться в подробности сюжета (еще не дописал, боюсь сглазить), но там есть сцена, где герой катапультируется из самолета на сверхзвуковой скорости.

Я, наивный, думал: «Ну что там сложного? Нажал на рычаг – и тебя выстрелило вверх, парашют раскрылся, приземлился. Пиши – не хочу».

Но потом я вспомнил про технику пятилетнего ребенка. Я сел и задал себе вопросы (уже не стесняясь, уже зная, что это единственный способ не облажаться):

Что такое катапульта в самолете? (Ну, кресло, которое выстреливает. А как именно? Порохом? Пневматикой? Ракетным двигателем?)

На какой высоте можно катапультироваться, а на какой – уже бесполезно?

Что происходит с телом человека при катапультировании на сверхзвуковой скорости? (Спойлер: ничего хорошего. Очень ничего хорошего. Я потом плакал, когда читал.)

А парашют раскрывается сразу или с задержкой?

Что чувствует пилот в момент катапультирования? (Боль? Страх? Облегчение? Желание больше никогда не летать?)

Можно ли катапультироваться вверх ногами? (Самолет же может быть перевернут!)

А если катапультироваться под водой? (Самолет упал в

океан, например. Есть шанс?)

Почему катапульту не ставят в пассажирские самолеты? (Этот вопрос, кстати, привел меня к целому исследованию на тему «почему пассажиры умрут, даже если у них будет индивидуальное кресло-катапульты», и это оказалось адски интересно).

Я записал эти вопросы. Потом добавил еще десять, которые пришли в голову по ходу. Потом еще пять, потому что одно цеплялось за другое. В итоге у меня был список из 23 вопросов, на которые я не знал ответов. Но теперь я хотя бы знал, чего именно я не знаю. А это, поверьте, полдела.

Дальше я пошел к эксперту. Нашел на форуме авиаторов (да, есть и такие) человека, который согласился со мной поговорить. Бывший военный летчик, полковник в отставке, с лицом, которое повидало столько, что ему уже ничего не страшно, даже тупые вопросы писателя.

– Полковник, – сказал я, делая честные глаза. – Я ничего не понимаю в катапультировании. Объясните мне, как пятилетнему. Вот у меня есть список вопросов. Самых дурацких. Можно я буду задавать?

Он посмотрел на меня. Потом на список. Потом снова на меня.

– Слушай, парень, – сказал он. – Я за свою жизнь ответил на сотни вопросов. От журналистов, от курсантов, от своего внука, который хотел знать, почему самолеты не падают. Но чтобы кто-то пришел с таким списком... Ты серьезно не

знаешь, почему пассажирские самолеты не оборудованы катапультами?

– Серьезно, – сказал я. – Я думал, это потому, что дорого.

Полковник засмеялся. Хорошо, гулко, как двигатель перед взлетом.

– Садись, писатель. Сейчас я тебе расскажу такую страшную тайну, что ты свои вопросы забудешь.

И он рассказал. Про перегрузки в 20g, которые ломают позвоночник. Про набегающий поток воздуха, который на сверхзвуке режет тело, как нож. Про то, что катапультирование – это всегда риск, и если можно посадить самолет, то лучше посадить. Про то, что парашют раскрывается только после того, как кресло отделится от пилота, и этот момент называется «разделение», и он длится доли секунды, но кажется вечностью. Про то, как это – чувствовать, что тебя выстрелило из самолета, и в этот момент понимать, что твоя жизнь больше не зависит от тебя, только от физики и удачи.

Я слушал, открыв рот. Я забыл про свой дурацкий рассказ, про сюжет, про героя. Мне было просто интересно. Как тому пятилетнему ребенку, который спросил про тиканье часов.

Когда полковник закончил, я спросил:

– А вы сами катапультировались?

Он помолчал. Посмотрел куда-то в стену. Потом сказал:

– Дважды.

– И как?

– Больно, – сказал он. – И страшно. Но жить хочется силь-

нее, чем бояться.

Я вышел от него с новым пониманием того, что такое настоящий героизм. И с новым рассказом, который я переписал с нуля, потому что старая версия была полной чушью, написанной человеком, который никогда не задавал себе вопрос «А что, если катапультироваться вверх ногами?».

Зачем вам это? (или Почему Гугл не заменит живого дурацкого вопроса)

Вы спросите: «А зачем все эти сложности? Зачем задавать дурацкие вопросы, если можно просто загуглить? Набрал в поисковике «почему тикают часы» – и получил ответ. Зачем звонить часовщику в 11 ночи? Зачем искать полковника в отставке? Зачем тратить время на эти унижительные разговоры, если можно просто прочитать статью на «Википедии» и сделать вид, что ты всё понял?»

Отвечу. И отвечу жестко, потому что сам через это прошел и знаю, о чем говорю.

Гугл не заменит живого дурацкого вопроса, потому что Гугл дает ответы, но не дает понимания.

Когда вы читаете статью в интернете, вы видите гладкий, причесанный, отредактированный текст. Там нет сомнений, нет оговорок, нет «а вообще, это зависит от контекста». Там есть «факты», которые кажутся истиной в последней инстанции. Но за этими фактами – живые люди, которые спорили, ошибались, перепроверяли, сомневались. И вы этого не видите.

Когда вы задаете дурацкий вопрос эксперту, вы получаете не просто факт. Вы получаете:

Контекст. Эксперт объяснит вам не просто «что», а «почему» и «при каких условиях». Он скажет: «В теории это так, но на практике бывает иначе».

Эмоцию. Когда полковник рассказывал про катапультное, он не перечислял технические характеристики. Он делился опытом. Он передавал страх и боль. Этого нет в гугл-статье.

Живой язык. Эксперт не говорит на языке сухих инструкций. Он говорит на языке людей, которые делают свое дело. И этот язык – золото для писателя. Вы услышите, какие слова они используют, как шутят, на чем ругаются, что считают важным, а что – ерундой.

Неожиданные повороты. Когда вы задаете вопрос «А почему часы круглые, а не квадратные?», вы можете получить ответ, который откроет вам целую историю развития часового дела, борьбу эстетики и функциональности, и даже случай, как один чудаков в XIX веке сделал треугольные часы, и они никому не понравились. Гугл вам это не расскажет, потому что Гугл не знает, что вам это интересно.

Да, задавать дурацкие вопросы стыдно. Да, эксперты иногда смеются. Да, вы будете краснеть и мямлить. Но этот стыд – инвестиция. Вы платите своим эго за знания, которые потом превратятся в живую, дышащую, настоящую прозу.

А можно не платить. Можно остаться при своем эго, не

задавать вопросов и писать книги, в которых подводники курят за бортом, аптекари используют сырные весы, а летчики катапультируются без последствий. Такие книги тоже издаются. Их даже читают. Потом. До того момента, пока не появляется тот самый читатель, который служил на флоте. Или летал. Или чинил часы.

Я свой выбор сделал. И вам советую.

Смешной случай (или как я перепутал зоолога с прокурором и едва не отправил медведя в тюрьму)

Обещанная смешная история. Держитесь за стулья, потому что уровень моего идиотизма здесь зашкаливает.

Это было, когда я писал детектив, в котором фигурировали и маньяк (не часовщик, другой), и животные. Не спрашивайте, как они были связаны, это долгая и запутанная история, которую я потом вырезал из романа, потому что она оказалась слишком странной даже для меня.

Мне нужно было взять два интервью. Одно – с зоологом, который изучает поведение диких животных в неволе. Другое – с прокурором, который специализируется на делах о серийных убийствах. Два совершенно разных интервью, два разных списка вопросов, два разных эксперта.

Я подготовил вопросы. Для зоолога: про территориальное поведение, про иерархию в стае, про охотничьи инстинкты, про то, как животные реагируют на незнакомцев на своей территории. Для прокурора: про психологический портрет серийного убийцы, про методы сокрытия следов, про ритуа-

лы, про то, как убийца выбирает жертву.

Вы уже поняли, да? Вы уже видите, куда я клоню?

Я перепутал вопросы.

Не специально. Просто за день до интервью я всю ночь не спал, дописывая главу, и мой мозг превратился в овсяную кашу без соли и сахара. Утром я схватил два блокнота, не глядя, сунул их в рюкзак и поехал.

Первым у меня был зоолог. Милый такой дядечка в очках, с бородкой, пахнувший сеном и, кажется, немного хомячками. Я приехал к нему в НИИ, мы сели в уютном кабинете, я открыл блокнот и начал задавать вопросы.

– Скажите, доктор, – начал я бодро. – Эти ваши подопечные... они социально опасны?

Зоолог удивленно поднял бровь.

– В каком смысле?

– Ну, – я замялся, но решил, что раз уж начал, надо продолжать. – Могут ли они напасть на человека без видимой причины? Есть ли у них ритуальное поведение? Как они относятся к незнакомцам, вторгающимся на их территорию?

– Вы про волков? – уточнил зоолог. – Или про медведей? Потому что для каждого вида ответ будет разный.

– Про... э-э-э... – я заглянул в блокнот. – Про серийных убийц?

Зоолог замер. С ложечкой, которой он размешивал чай, в руке. Потом медленно поставил ложечку на блюдце.

– Молодой человек, – сказал он очень спокойно. – Я зоо-

лог. Я изучаю животных. Серийные убийцы – это не моя специализация. Если вас интересует, может ли волк-одиночка загрызть человека, ответ – да, может, но редко. Если вас интересует, есть ли у серийных убийц ритуалы – вам к прокурору или психиатру.

Тут до меня дошло. Я посмотрел на обложку блокнота. На ней было написано «Вопросы для ПРОКУРОРА» жирным маркером.

Я покраснел так, что, наверное, мог освещать комнату.

– Доктор, – сказал я, чувствуя, что земля уходит из-под ног. – Я... я перепутал блокноты. Извините. Это вопросы для другого интервью.

– Я понял, – сказал он. И, к его чести, он не засмеялся. Он просто вздохнул. – Ну что ж, задавайте свои настоящие вопросы. Если они у вас есть.

Я лихорадочно перерыл рюкзак. Второй блокнот – «Вопросы для ЗООЛОГА» – был на месте. Я открыл его и начал читать:

– Скажите, а у медведей бывает... э-э-э... особый почерк? Ну, то есть, они убивают всегда одинаково или каждый раз по-разному? И как они относятся к... к сокрытию следов?

Теперь зоолог смотрел на меня с интересом, смешанным с легким ужасом.

– Вы уверены, что вам нужен зоолог, а не психиатр? Для вас?

– Я уверен, что мне нужен кофе, – сказал я. – Очень креп-

кий. И, возможно, новая профессия.

В итоге мы всё-таки поговорили. Я задал правильные вопросы. Он ответил. Я узнал, что медведи действительно имеют «почерк» в том смысле, что каждый медведь нападает по-своему (один кусает в голову, другой ломает позвоночник, третий просто душил). Я узнал, что животные не скрывают следы, потому что у них нет чувства вины. Я узнал, что волки не убивают ради удовольствия, а только ради еды или защиты территории – в отличие от людей.

Потом я поехал к прокурору. И, представьте себе, задал ему вопросы для зоолога. Про иерархию в стае. Про территориальное поведение. Про охотничьи инстинкты.

Прокурор, мужик суровый, повидавший много всего, выслушал меня, помолчал и сказал:

– Вы, случаем, не хотите сказать, что серийные убийцы – это животные?

– Нет, – сказал я, чувствуя, что сегодня мой день позора только начинается. – Я просто... я устал. И перепутал блокноты.

Прокурор посмотрел на меня так, будто решал, не вызвать ли наряд полиции. Потом неожиданно рассмеялся.

– Ладно, писатель. Давай сначала. Но если ты еще раз спросишь меня про брачный период у убийц – я уйду.

Я не спросил. Я задал нормальные вопросы. Получил нормальные ответы. Узнал много интересного про психологию убийц (например, что они действительно часто ведут себя

как хищники, отслеживающие жертву – зоолог был бы в восторге).

А вечером я выпил полбутылки коньяка (в одиночестве) и дал себе слово: никогда не готовить вопросы к разным интервью в один день и не спать перед этим хотя бы четыре часа.

Слово я, конечно, нарушил. Не раз. Но история с зоологом и прокурором стала для меня символом. Символом того, как легко перепутать всё на свете, если подходить к исследованию без системы, без четкого понимания, чего ты хочешь узнать.

Итак, давайте подведем итог этой главы, которая получилась длиннее, чем я планировал, но что поделать – много ошибок, много стыда, много материала.

Что мы выяснили:

Стыдно не задавать вопросы, а не знать ответы. И то, стыд – это вообще бесполезная эмоция в исследовании. Замените его на любопытство. Любопытный человек не стыдится своей тупости, он радуется возможности стать умнее.

Техника пятилетнего ребенка работает. Она вытаскивает на свет самые базовые, самые дурацкие, но самые важные вопросы. Не пренебрегайте ей. Начните с «почему тикает?», а не с «каков принцип взаимодействия».

Гугл – помощник, но не спаситель. Он дает факты. Живой эксперт дает понимание, контекст, эмоцию и язык. Пользуйтесь и тем, и другим, но помните, что живой человек – цен-

нее любой статьи.

Ошибки неизбежны. Вы будете путать блокноты, звонить экспертам в час ночи, задавать нелепые вопросы и краснеть. Это нормально. Это часть процесса. Главное – не останавливаться.

Самое страшное – это не незнание. Самое страшное – это притворство, когда вы делаете вид, что знаете, а на самом деле – нет. Притворство убивает доверие читателя. И ваше доверие к себе.

В следующей главе мы поговорим о том, как не утонуть в море информации, как отличить полезный источник от мусора и почему библиотека – это не скучно, а адски весело, особенно когда ты ищешь чертежи паровозов, а находишь любовное письмо XIX века с признанием в страсти к смазчику.

А пока – упражнение для самых смелых.

Задание (необязательное, но полезное): Прямо сейчас, не вставая с места, возьмите тему, которую вы хотите использовать в своем тексте. Любую. Это может быть что угодно – от «как работает двигатель внутреннего сгорания» до «почему кошки мурлыкают». Сядьте и запишите 10 вопросов, которые задал бы пятилетний ребенок. Самых дурацких. Не гуглите. Не стесняйтесь. Потом посмотрите на эти вопросы. Сколько из них вы можете ответить? Если меньше половины – поздравляю, у вас есть план исследования. И вы только что сделали первый шаг, который многие писатели боятся

сделать.

А я пойду позвоню своему часовщику. Спрошу, как поживает его маятник. И, возможно, извинюсь за тот звонок в 11 ночи. В третий раз. За десять лет.

До следующей главы. И помните: если вам не стыдно – вы что-то делаете не так. Или вы уже всё знаете. А если вы уже всё знаете – зачем вы читаете эту книгу?

Библиотека не для ботаников. Как выжить в храме пыли и тишины

В которой автор впервые переступает порог главной библиотеки страны и понимает, что его жизнь никогда не будет прежней (и не потому, что он много узнает, а потому, что его унизит библиотекарь)

Давайте сразу расставим карты на стол. Я не люблю библиотеки. Нет, это неправда. Я их боюсь. С детства. С того самого момента, когда в школьной библиотеке мне сказали: «Ты испортил книгу, теперь твои родители заплатят штраф». Я не портил книгу. Я просто читал ее с таким усердием, что у нее отпала обложка. Но с тех пор в моем подсознании библиотека – это место, где тебя наказывают. За что? За то, что ты прикасаешься к знаниям неправильными руками.

Когда я стал писателем, мне пришлось перебороть этот страх. Потому что, как выяснилось, Гугл – это хорошо, но Гугл не имеет запаха. А библиотека имеет. Запах пыли, старой бумаги, времени и чего-то еще неуловимого. Может быть, запах знаний. Или, может быть, запах мышей, которые живут в подвале и грызут диссертации по сельскому хозяйству Узбекистана. В любом случае, это опыт, который нельзя получить, сидя дома в пижаме.

Моя первая серьезная библиотечная эпопея случилась, когда я писал роман о железных дорогах XIX века. Не спрашивайте, почему я выбрал эту тему. Скажу только, что мне показалось, что «романтика поездов» – это очень благодатная почва. Паровозы, свистки, угольная пыль, проводники с усами, таинственные попутчицы, и всё такое. Я уже представлял себе, как читатель вдыхает запах дыма и смазки, как он слышит мерный стук колес и засыпает под этот звук, чтобы проснуться в другом мире.

Была только одна проблема. Я ничего не знал о паровозах. Абсолютно. Я знал, что они ездят по рельсам. Я знал, что они на угле (кажется). Я знал, что у них есть гудок, который звучит как «ту-туууу». И это было всё. Ну, еще я знал, что есть такой фильм «Поезд в Пусан», но это зомби-апокалипсис, и он не в счет.

Мне нужна была информация. Не та, которую выдают на первой странице Гугла – «паровоз – это паровой локомотив, который работает на паре» (спасибо, кэп). Мне нужны были детали. Звуки. Запахи. Ощущения. То, что не найдешь в краткой справке.

– Поезжай в Ленинку, – сказал мне редактор. – В Российской государственной библиотеке. Бывшая Ленинка. Там есть всё.

– А что такое Ленинка? – спросил я, и этим вопросом подтвердил свой статус культурного варвара.

Редактор посмотрел на меня так, будто я только что спро-

сил, кто такой Пушкин, и где находится Москва.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Абсолютно, – ответил я.

– Ленинка – это главная библиотека страны. Миллионы книг. Тысячи читателей. Сотни километров полок. Это Мекка, Гиза и Валаам в одном флаконе. Ты должен там побывать.

– А там есть паровозы?

Редактор закрыл лицо руками.

– Там есть всё, – сказал он глухо. – Иди. И возьми с собой печенье.

Первый визит: как я заблудился в трех соснах и был уличен в попытке найти детектив в разделе «Садоводство»

Я приехал в Ленинку в прекрасный солнечный день. И сразу понял, что совершил ошибку. Огромное здание. Колонны. Статуи. Чувство, что ты не в библиотеку пришел, а на прием к королеве, только королева – это Книга, и она сейчас тебя сожрет, если ты не снимешь шапку.

Я вошел внутрь. Там было тихо. Очень тихо. Тишина такая густая, что её можно было резать ножом и намазывать на хлеб. Я шел по коридорам, эхо моих шагов разносилось так, будто я не один, а за мной идет целый оркестр, только оркестр играет беззвучно, но очень зловеще.

Я нашел справочную стойку. За ней сидела женщина. Не просто женщина – Библиотекарь. С большой буквы. Строгая, в очках, с прической, которая, казалось, была сделана в

позапрошлом веке и ни разу не изменилась. Она смотрела на меня поверх очков. В ее взгляде читалось: «Я знаю, зачем ты пришел. Ты пришел искать книгу, которую уже кто-то не сдал вовремя. Ты не получишь эту книгу. Иди отсюда, грешник».

– Здравствуйте, – сказал я, стараясь говорить шепотом, потому что в библиотеке все говорят шепотом, даже если хотят сказать «пожар!». – Мне нужны материалы по истории железных дорог. Особенно про паровозы. XIX век. Техническая документация, чертежи, описания...

Библиотекарь не шелохнулась. Она просто смотрела на меня. Потом медленно, очень медленно, достала из-под стойки формуляр.

– Читательский билет есть? – спросила она. Голосом, похожим на шорох старого пергамента.

– Э-э-э... нет, – признался я.

– Тогда вон туда, – она указала пальцем в сторону очереди. Очереди, которая, казалось, существовала с основания библиотеки и никогда не двигалась.

Я отстоял эту очередь. Я заполнил анкету. Я получил фотографию на билет (где я похож на человека, которого только что вытащили из-под завалов). Я поднялся на нужный этаж. Я нашел нужную секцию. И тут началась магия.

Библиотека – это не место, где вы просто берете книгу с полки. Нет. Это квест. Вы должны сначала найти нужную секцию в каталоге. Каталог – это ящики с карточками. Мил-

лионы карточек. Тысячи ящиков. Вы открываете один ящик, и там – бумажки. На бумажках – шифры. Вы выписываете шифры. Потом вы идете к компьютеру (если повезет, компьютеры не сломаны), вбиваете шифры, и компьютер говорит вам, что нужная книга находится в хранилище, и вы должны заказать её, и она придет через час, а может быть, через два, а может быть, завтра, а может быть, никогда, потому что книгу читает кто-то другой и не сдает ее уже тридцать лет.

Потом вы ждете. Вы сидите в читальном зале – огромном помещении с высокими потолками, тяжелыми лампами и столами, за которыми сидят люди, похожие на привидений. Они не двигаются. Они читают. Они не моргают. Вы начинаете подозревать, что это не люди, а манекены, которых посадили сюда для атмосферы.

Через час приходит ваша книга. Огромный фолиант в кожаном переплете. Вы открываете его – и понимаете, что не знаете языка. Потому что книга на немецком. Или французском. Или старославянском. Или на языке, который использовали только три человека в XIX веке, и двое из них умерли при загадочных обстоятельствах.

Вы сидите, смотрите на буквы, которые ничего не значат, и думаете: «Зачем я сюда пришел? Зачем я вообще начал писать эту книгу? Может, ну его, паровоз? Может, написать про котиков? Про котиков все любят, и там не нужно ничего исследовать, потому что котики и так понятны».

Но вы не сдаётесь. Вы идёте к другой полке. Вы ищете другие книги. Вы находите одну, на русском. Открываете – а там чертежи. Чертежи паровозов. Не просто рисунки, а настоящие технические чертежи с размерами, допусками, посадками, видами спереди, сзади, сверху и снизу. Вы ничего в этом не понимаете, но это красиво. Вы делаете фото. Много фото. Библиотекарь шипит на вас, потому что фотографировать нельзя, но вы всё равно фотографируете, потому что вы писатель, а для писателя все законы не писаны (кроме закона, что штраф за порчу книг – 500 рублей).

Так прошёл мой первый день. Я вышел из библиотеки с головной болью, с десятком фотографий непонятных чертежей, с ощущением, что я тупой, и с твердым намерением больше никогда туда не возвращаться.

Вернулся я на следующий день. Потому что мне нужен был свисток.

История о том, как я три дня искал свисток (и нашёл кочегара с похмелья)

Сцена, ради которой я предпринял всю эту библиотечную эпопею, была проста. Мой герой – старый машинист паровоза – сидит вечером в депо, пьёт чай из блюда, и вдруг слышит свисток. Не тот свисток, которым машинист подаёт сигнал, а другой – протяжный, тоскливый, похожий на крик раненой птицы. Этот свисток становится отправной точкой всего расследования (это был детектив, напомню). Он ведёт героя к тайне, к убийству, к разгадке.

Мне нужно было всего лишь описать этот свисток. Как он звучит. Откуда исходит. Почему он такой. На что похож. Казалось бы, пара абзацев. Но я не мог написать их, потому что понятия не имел, как устроен паровозный свисток. И зачем он вообще нужен. И свистит ли в нем пар, или там какая-то мембрана, или живой человек сидит внутри и дудит в трубу.

Я полез в интернет. Нашел общие сведения. «Паровозный свисток служит для подачи звуковых сигналов. Работает на паре. Бывает однотональным и многотональным». Все. Коротко и ясно, но без души. Мне нужна была душа. Мне нужен был звук, который я мог бы описать так, чтобы читатель услышал.

Я пошел в библиотеку. На второй день.

– Мне нужно всё о паровозных свистках, – сказал я библиотекарю. На этот раз другому. Мужчине, лысому, с усами, похожему на Чехова, но злого.

– Раздел «Железнодорожный транспорт», подраздел «Локомотивы», далее «Паровозы», далее «Сигнальные устройства», – отчеканил он, не глядя на меня. – Вы, молодой человек, в каком веке живете? Неужели не можете сами найти?

– Я ищу, – сказал я, обидевшись. – Но там всё на немецком.

– Учите немецкий, – сказал библиотекарь и ушел.

Я учил немецкий. Три дня. Шутка. Я не учил немецкий. Я просто сидел над книгами, смотрел на картинки, пытался угадать значение слов по контексту, и постепенно, как сле-

пой котенок, который тычется носом в миску с молоком, начал что-то понимать.

На третий день я нашел. Это была старая книга, изданная в 1898 году в Санкт-Петербурге. «Паровозные свистки: устройство, эксплуатация, ремонт. Пособие для машинистов и кочегаров». Книга была такой ветхой, что я боялся её открывать – казалось, страницы рассыплются в пыль, стоит только дунуть.

Я открыл. И начал читать. Медленно, по слогам, потому что буквы «ять» и «фита» вводили меня в ступор, а фраза «посредством одного приспособления производятся сигналы, кои суть необходимы для предупреждения о приближении поезда» заставила меня почувствовать себя полным идиотом.

Но я читал. Я узнал, что свисток работает на паре, который проходит через специальную камеру-резонатор. Я узнал, что форма свистка влияет на тон и громкость. Я узнал, что бывают свистки с одним тоном («тууу») и с двумя («туу-уу-тууу»). Я узнал, что в мороз свисток может замерзнуть и не работать, и тогда машинист вынужден отогревать его... паром из котла. Который и так есть. Логично.

Я сделал десятки фотографий. Я перерисовал схему свистка в блокнот (получилось страшно, но главное – я понял принцип). Я чувствовал себя почти профессионалом. Я уже знал, как описать этот свисток. «Протяжный, глуховатый, с металлическим оттенком, похожий на голос огромно-

го зверя, который зовет своих детенышей». Красиво? Красиво.

Но тут произошло неожиданное.

Я перелистнул страницу. И наткнулся на раздел «Неисправности свистков». Там были описаны разные проблемы: засорение, обмерзание, механические повреждения. И в конце – короткий абзац:

«Иногда кочегары, страдающие похмельным синдромом, самовольно производят манипуляции со свистком, выпуская пар вхолостую, дабы заглушить шум в ушах. При сем свисток издает звук, не похожий на штатный – более высокий, прерывистый и напоминающий плач. Администрация дороги рекомендует строго пресекать подобные действия и отправлять кочегаров в вырезвитель, а не к паровозу».

Я замер. Я перечитал этот абзац три раза. Потом еще раз. Потом я засмеялся. Громко. В читальном зале. Где тишина, где люди не моргают, где каждый звук – это преступление против человечества.

Мой смех разнесся под высокими сводами, как раскат грома. Люди подняли головы от книг. Библиотекарь за стойкой вскочил. Женщина слева от меня прошипела «тсссс» так, что у меня заложило уши.

Я зажал рот рукой. Плечи тряслись. По щекам текли слезы. Я пытался сдержаться, но не мог. Потому что я только что понял: свисток, который я искал три дня, свисток, ради которого я перерыл гору книг и выучил три слова по-немец-

ки, — этот свисток мог быть просто похмельным кочегаром, который пытался заглушить звон в голове.

Вот так. Не трагедия. Не мистика. Не детективная загадка. А банальный алкоголизм. Кочегар с бодуна пар травит, а мой герой-машинист сидит и думает: «О, зов судьбы, тайна века».

Я закрыл книгу. Положил на место. Вышел из читального зала. Сел на лавочку в холле и долго еще смеялся, уже беззвучно. И смеялся не над книгой, а над собой. Над своей серьезностью. Над своей уверенностью, что любой свисток — это знак, символ, загадка. А иногда свисток — это просто кочегар, который перебрал самогона и теперь страдает.

В итоге я описал свисток именно так — как сигнал пьяного кочегара. И это стало лучшей частью романа. Потому что это было правдой. Не придуманной, не вымученной, а настоящей, выкопанной из пыльной книги, которую сто лет никто не открывал.

Искусство правильного запроса (или почему «мне нужна книга про поезда» — это плохой запрос)

После этой истории я понял, что библиотека — это не место, где вы находите ответы. Это место, где вы учитесь задавать вопросы. Правильные вопросы.

Когда я впервые пришел в Ленинку, я спросил: «Дайте мне книги про паровозы». Библиотекарь (та самая женщина в очках) посмотрела на меня как на идиота. Потому что книг про паровозы — тысячи. Они на разных языках. Они за раз-

ные годы. Они про разные типы паровозов. Они для разных аудиторий. Выбрать нужную из этого моря невозможно, если ты не уточнишь запрос.

Так я выучил первое правило библиотечного выживания: чем конкретнее запрос, тем выше шанс найти то, что нужно (и тем меньше библиотекарь будет вас ненавидеть).

Плохой запрос: «Книги про поезда».

Хороший запрос: «Техническая документация по паровозам серии «Л» (Лебедянка) периода 1945-1955 годов. Желательно на русском или английском. Интересуют свистки, гудки и системы подачи пара».

Второе правило: готовьтесь к тому, что ответа не будет. Библиотека – это не магазин. Там не обязаны иметь всё, что вы хотите. Там есть то, что сохранилось. И иногда это то, что вам нужно. А иногда – нет. И тогда вы пьете чай с печеньем, идете домой, ищете дальше.

Третье правило: библиотекарь – ваш друг. Да, она страшная. Да, она шипит. Да, она смотрит на вас как на таракана. Но если вы скажете «пожалуйста», «спасибо» и «извините за беспокойство», она может помочь. Она может подсказать, где искать, к кому обратиться, какой каталог открыть. Она знает эти стены лучше, чем вы. Используйте это.

Четвертое правило (самое важное): не верьте всему, что написано в старых книгах. Они полны ошибок, предрассудков и откровенной лжи. Тот самый абзац про похмельного кочегара – это, вероятно, была шутка редактора, которая

попала в серьезное пособие. Или инструкция, которую кто-то написал сгоряча, после того как его разбудил пьяный кочевар. Но факт остается фактом: информация может быть недостоверной. Сравнивайте, проверяйте, не принимайте на веру.

Рекомендации бывалого: как не уснуть, зачем брать печенье и почему нельзя громко смеяться над фолиантом 1853 года

Теперь, когда вы знаете мою печальную историю, я дам вам несколько практических советов. Потому что библиотека – это не просто место, это квест. А любой квест проходит легче, если у тебя есть карта, компас и запас съестного.

Совет 1. Печенье – это не еда, это оружие.

В библиотеке душно. В библиотеке сухо. В библиотеке хочется спать. Кофе пить нельзя (не везде, но в большинстве читальных залов – нельзя, ибо запах мешает ученым мужам, которые нюхают книги, чтобы понять, чем пахнет истина). Есть можно, но не шурша и не хрустя. Поэтому печенье должно быть: а) без запаха; б) без шуршащей упаковки (пересыпьте в зип-лок или просто в карман); в) мелкое, чтобы можно было положить в рот целиком и не крошить на бесценные фолианты.

Овсяное печенье – идеально. Оно не пахнет, не крошится (почти), и его можно есть одним движением, как таблетку. Я всегда беру с собой пачку овсяного печенья. И воду. В маленькой бутылочке. Потому что без воды мозг высыхает

и начинает выдавать идеи уровня «а что, если свисток – это кочегар».

Совет 2. Как не уснуть над книгой.

Это серьезная проблема. Вы сидите. Тихо. Тепло. Вы читаете про устройство паровозного котла. Текст написан в XIX веке, с длинными предложениями, с оборотами «посредством оно́го», «ввиду вышеизложенного», «принимая во внимание, что». Ваши глаза слипаются. Голова клонится к столу. Еще минута – и вы клоните носом, откроете рот, и начнете храпеть, и тогда библиотекарь убьет вас на месте, просто взглядом.

Что делать?

Метод 1: «Меняй позу». Не сидите как истукан. Периодически вставайте, проходите по залу (тихо, без топота), садитесь на другое место. Смена позы переключает мозг.

Метод 2: «Переписывай вручную». Когда вы чувствуете, что засыпаете, начните переписывать интересные цитаты в блокнот. Рукой. Медленно, красиво, выводя каждую букву. Это задействует моторику и будит мозг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.